

PÉRIODIQUE
Prix : 5,50 Frs

REVUE MENSUELLE
№ 169 Janvier 1966

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемесячный
литературно-политический журнал*

№ 169
ЯНВАРЬ 1966 ГОДА

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ — С НОВЫМ ГОДОМ

с картины Ив. Репина

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : ELYsées 06-03

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемесячный
литературно-политический
журнал*

Выходит при ближайшем участіи

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРЬКОВА.

№ 16

ЯНВАРЬ 190

ПАРИ

73, avenue des Champs-

Тél. : ELYsées (

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр</i>
КАРИБАТУРА ДЕМОКРАТИИ. Редакціонная статья	5
Иван ЛУКАШ. Вороненок (Рождественскій набросок)	7
А. ГОРСКАЯ. Елка в лѣсу	9
Я. Н. ГОРБОВ. Асунта	11
Нина ФЕДОРОВА. Четыре женщины в жизни Мистера Грома . .	34
Владимір ИЛЪЯШЕНКО. За предѣлами (Стихи)	54
Нина ФЕДОРОВА. Хафиз. Вольный перевод. (Стихи)	55
В. Н. ИЛЬИН. Тайнство печали (К 165-лѣтію рожденію Бора- тынскаго)	56
П. Л. БАРК. Воспоминанія	71
Ген. Е. В. МАСЛОВСКІЙ. Русскіе отряды в Персіи. (К вопросу о естественном движеніи Россіи на юг к открытому морю) . . .	89
Из писем А. В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС	107
Николай СТАНЮКОВИЧ. Саша Черный	119
Л. ДОМИНИК. На порогѣ Нового Театральнаго Года	126
Z. Выставка русскаго народнаго искусства	133
Б. БОРИСОВ. По “ту” сторону	134
Я. Н. ГОРБОВ. Л и т е р а т у р н ы я з а м ѣ т к и: Николай Туровѣров. Стихи, книга пятая	144
Кн. С. ОБОЛЕНСКІЙ. Д ѣ л а и Л ю д и: “За” или “про- тив” — Выѣшній фактор — Маскарад и реальность — Разбить партійную рамку.	151

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничных дней,
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.
Подписка, продажа, справки и объявленія.

*ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССИИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ*

ВОЗРОЖДЕНІЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

*ОСНОВАН 3 ІЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВ-
НОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН
В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ІЮНЯ 1940 ГОДА,
НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАН-
СКОЙ АРМІИ, ИЗДАНІЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕ-
КРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 ГОДА И ДО ДЕКАБРЯ
1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ
РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ
ЕЖЕМѢСЯЧНО.*

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE MENSUELLE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

C o m i t é d e r é d a c t i o n
PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 169
JANVIER 1966

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : ELYsées 06-03

ВОСПОМИНАНІЯ

(Продолженіе) *)

ГЛАВА XIV.

Когда в началѣ 1914 года Государь вновь призвал к власти престарѣлаго, умудреннаго опытом Горемыкина и поручил мнѣ портфель министра финансов, им были даны указанія правительству принять всѣ мѣры к укрѣпленію нормальных отношеній с Государственной Думой. Предсѣдателем Думы состоял Родзянко, принадлежавшій к партіи Октябристов, наиболѣе многочисленной в палатѣ. Он в молодости служил в кавалергардском полку, был помѣщиком Екатеринославской губерніи и губернским предводителем Дворянства. Горемыкин также был помѣщиком, но всю свою жизнь провел в рядах бюрократіи. Он окончил Императорское Училище Правовѣдѣнія, в котором кромѣ гимназическаго курса существовало три старших университетских курса, программа коих близко подходила к программѣ университетских юридических факультетов.

Горемыкин принадлежал к правому крылу Государственнаго Совѣта, в работах коего принимал участіе в теченіе многих лѣтъ. Он служил по вѣдомствам Юстиціи и Внутренних Дѣл, хорошо знал провинцію и мѣстную жизнь, был товарищем министра Внутренних Дѣл и министром и был избран Государем, чтобы открыть первую Государственную Думу в 1906 году. Он принадлежал к той же школѣ просвѣщенных государственных дѣятелей как и Столыпин и так же считал, что либеральныя реформы должны даваться сверху и проводиться в жизнь руками консерваторов. Безконечно преданный родинѣ и Государю, он пользовался его полным довѣріем и Государь охотно совѣтовался с ним. Горемыкин не был оратором и рѣдко выступал в Государственной Думѣ. Он ограничивался обыкновенно прочтеніем с трибуны Думы или Государственнаго Совѣта декларацій правительства и, сам не вѣдая ни одним из специальных портфелей, предоставлялъ отдѣльным министрам выступать в законодательных учрежденіях по дѣлам своих вѣдомств. Однако, это не мѣшало ему установить с Думой вполне нормальныя отношенія и он их поддерживал постоянным личным общеніем с предсѣдателем Думы и с ея болѣе вліятельными членами. Перед серьезными дебатами у него на квартирѣ происходили частныя совѣщанія, на коих улаживались многія недоразумѣнія. Одно такое совѣщаніе

*) См. "Возрожденіе" №№ 157-168.

осталось особенно для меня памятным, потому что я оказался виновником происшедшаго въ Думѣ инцидента.

Разматривалась в военной и в бюджетной комиссіях большая военная программа. В военной комиссіи работы были закончены благополучно и требовалась санкція бюджетной комиссіи перед перенесеніем законопроекта в общее собраніе Государственной Думы. В бюджетной комиссіи особенное значеніе придавалось объясненіям министра финансов и докладчик ожидал с моей стороны рѣшительной поддержки всѣх ассигнованій, которыя испрашивались Военным министерством в теченіе ряда лѣтъ. Само собой разумѣется, что эта поддержка с моей стороны, как члена правительства, была обезпечена. Однако, члены оппозиціи стали допытывать меня вопросами, как такіа ассигнованія отразятся на бюджетах послѣдующих лѣтъ и не рискуем ли мы очутиться с дефицитом если не будем увеличивать налогов. В качествѣ министра финансов, отвѣтственного за государственные ресурсы, я не мог дать своей гарантіи, что военная программа не вызовет необходимости увеличить налоговое бремя. Моими сотрудниками были составлены примѣрные расчеты на ряд послѣдующих лѣтъ, и присутствовавшій въ засѣданіи директор департамента государственнаго Казначейства имѣлъ неосторожность по просьбѣ предсѣдателя комиссіи огласить эти расчеты. Его объясненія вызвали нѣкоторое смятеніе в средѣ комиссіи и засѣданіе вскорѣ было закончено с назначеніем слѣдующаго через нѣсколько дней. На другой же день предсѣдатель Думы Родзянко вмѣстѣ с докладчиком законопроекта Савичем отправился къ предсѣдателю Совѣта министров. Оба были очень взволнованы и объяснили, что им стоило больших трудов договориться с лидерами о проведеніи законопроекта через Государственную Думу, однако, министр финансов своим пессимизмом произвел такое неблагоприятное впечатлѣніе на членов оппозиціи, что они отказывают нынѣ в поддержкѣ законопроекта. Оказалось, что не будучи посвящен во всѣ закулисные переговоры между политическими партіями, я, но неопытности, своей откровенностью скомпрометировал достигнутое между ними соглашеніе. Горемыкин со свойственной ему мудростью успокоил взволнованных Родзянко и Савича и пригласил их на совѣщаніе с моим участіем. Предварительно он переговорил со мной, и мы с ним условились, что представленные в комиссіи данныя были примѣрными подсчетами, чрезвычайно осторожными и не принимавшими во вниманіе естественнаго роста государственных доходов. Я обѣщал представить дополнительный статистическій матеріал, показывавшій рост доходов за истекшіе годы и дававшій болѣе оптимистическую картину на будущее. В частном совѣщаніи на квартирѣ Горемыкина послѣдовал обмѣн мнѣній с Родзянко и Савичем, которые сочли себя удовлетворенными и взяли на себя возобновленіе переговоров с членами оппозиціи. Состоялись дальнѣйшія засѣданія бюджетной комиссіи, которая одобрила законопроект и через короткое время он был принят обѣими палатами и получил Высочайшую санкцію.

В установленіи добрых отношеній с Государственной Думой большое содѣйствіе оказывал Горемыкину министр земледѣлія Кривошеин, в дѣйствительности руководившій Совѣтом Министров и его предсѣдателем. По окончаніи юридическаго факультета Московскаго Университета, Кривошеин сначала хотѣлъ посвятить себя адвокатурѣ, но вскорѣ перешел на государственную службу. Он провел много лѣтъ в провинціи и приобрѣлъ большой опыт по всѣм вопросам крестьянскаго быта. Переведенный в столицу, он занялъ должность начальника переселенческаго управления в Министерствѣ Внутренних Дѣл. Здѣсь он вѣдал дѣлами о переселеніи крестьян из губерній, гдѣ крестьянскіе надѣлы оказывались уже недостаточными из-за роста населенія, в восточныя области, богатая свободными землями. Эта дѣятельность была сопряжена с частыми поѣздками по всей странѣ, и Кривошеин был одним из немногих государственных дѣятелей, который знал свою родину не только по описаніям, но по собственным наблюденіям на мѣстах. Впослѣдствіи он перешел в Министерство Финансов, гдѣ управлялъ крестьянским и дворянским земельными банками. Вскорѣ он был назначен товарищем министра земледѣлія и, наконец, министром земледѣлія. Как многіе сановники, он был «self made-man», своей карьерой обязанный исключительно своему труду и выдающимся способностям. Он был женат на дочери крупнаго московскаго фабриканта и поддерживал наилучшія отношенія с московским купечеством, имѣвшим большое вліяніе на внутреннюю политику страны. В Государственной Думѣ он был очень популярен и имѣлъ много личных друзей в разных фракціях. Он был также близок ко многим лицам при Дворѣ. Собственно говоря, он был наиболѣе подходящим кандидатом для занятія должности предсѣдателя Совѣта Министров, когда Государь в началѣ 1914 года замѣнил гр. Коковцова Горемыкиным, и при его желаніи Государь несомнѣнно остановил бы свой выбор на нем. Однако, Кривошеин не хотѣлъ быть премьером, и когда впослѣдствіи Государь два раза предлагал ему этот пост, он отказывался. Я думаю, что главной причиной этого была одна особенность его характера, с коей он не мог совладать. Хотя он прекрасно владѣлъ словом, и его выступленія в Совѣтѣ Министров обычно имѣли большой вѣс, он совсѣм не мог говорить в законодательных учрежденіях. Он только один раз выступил в Государственной Думѣ вскорѣ послѣ своего назначенія министром, а впослѣдствіи всегда предоставлялъ своим двум товарищам министра давать объясненія по вопросам своего вѣдомства и никогда болѣе не поднимался на трибуну Государственной Думы или Государственнаго Совѣта. Вѣроятно, он считал, что нужен был прирожденный талант Столыпина, чтобы держать в руках такую недружелюбную аудиторію, коей зачастую оказывалась Государственная Дума, и потому не хотѣлъ ставить себя в невыгодное положеніе.

Понятно, что среди бюрократіи ораторы были гораздо рѣже, чѣм среди общественных дѣятелей. Послѣдніе привыкли часто выступать в многочисленных собраніях, тогда как этого опыта не было у бюрократов.

В этом отношеніи, члены Государственной Думы имѣли большое преимущество передъ министрами и ихъ рѣчи производили большой эффектъ. Однако, отсутствіе ораторскаго таланта не мѣшало Кривошеину быть в постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ с представителями разныхъ партій в законодательныхъ учрежденіяхъ и поддерживать связь между Думой и правительствомъ. Изъ всѣхъ членовъ Кабинета онъ всегда былъ наиболѣе осведомленнымъ о различныхъ теченіяхъ в Думѣ и своимъ совѣтомъ и вліяніемъ очень помогалъ Горемыкину, с назначеніемъ коего премьеромъ отношенія между Думой и правительствомъ значительно улучшились.

Когда война обрушилась на нашу родину, казалось, что весь народъ в полномъ единодушіи сплотился около трона и что это единеніе позволитъ странѣ выйти побѣдоносно изъ всѣхъ испытаній. Государственная Дума одобрила всѣ дѣйствія правительства за время трагичныхъ дней, истекшихъ между австрійскимъ ультиматумомъ Сербіи и объявленіемъ войны Германіей. Назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича было встрѣчено сочувственно общественнымъ мнѣніемъ и военными кругами. Запрещеніе продажи водки было принято с энтузіазмомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи Государь получалъ привѣтствія с выраженіемъ вѣрноподаданническихъ чувствъ и денежныя пожертвованія стали притекать с разныхъ сторонъ на нужды войны.

Интересно отмѣтить обращеніе к Правительству предсѣдателей Общеземскаго союза, князя Львова, и Общегородскаго союза, Челнокова. Оба эти союза образовались во время Японской войны для оказанія помощи раненымъ, и ихъ госпитали, оборудованные на частныя пожертвованія, оказывали большую помощь госпиталямъ военнымъ и Краснаго Креста, работавшимъ на фронтѣ. Эти двѣ организациі приобрѣли извѣстный опытъ и по окончаніи Японской войны у нихъ сохранились нѣкоторыя средства, а также кадры врачей и сестеръ милосердія. Князь Львовъ и Челноковъ хотѣли теперь возобновить прежнюю дѣятельность и поставить дѣло на широкихъ основаніяхъ, но на это средствъ не доставало. Приѣхавъ в Петербургъ, они обратились к министру внутреннихъ дѣлъ с предложеніемъ использовать ихъ опытъ и оборудовать рядъ госпиталей и санитарныхъ поѣздовъ для больныхъ и раненыхъ, при условіи, если правительствомъ будутъ ассигнованы на это нужныя суммы. Когда Маклаковъ доложилъ объ этомъ в Совѣтѣ министровъ, всѣ его члены отнеслись чрезвычайно сочувственно к инициативѣ, проявленной общественными дѣятелями, и привѣтствовали такое желаніе работать совместно с правительствомъ. На вопросъ предсѣдателя Совѣта министровъ, нахожу ли я возможнымъ предоставить надлежащія средства Общеземскому и Общегородскому союзамъ, я отвѣтилъ, что не встрѣчаю к этому никакихъ препятствій, но при условіи, чтобы эти ассигнованія, а также произведенные расходы, провѣрялись на общемъ основаніи чинами Государственнаго контроля: раз средства должны отпускатся изъ Государственнаго Казначейства, по отношенію к нимъ должны примѣняться тѣ же правила контроля, смѣтъ и провѣрки издержекъ, которыя установлены по всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ. Однако, мнѣ категорически

возразил Государственный контролер и привел два мотива, почему он не может согласиться с моим мнѣніем. По существующим законам земскія и городскія учрежденія имѣют свой независимый контрольный аппарат и правительственная провѣрка в данном случаѣ была бы двойным контролем, громоздким, непрактичным и который стал бы лишним тормазом в живом дѣлѣ, требующем немедленных рѣшеній и распоряженій. Кроме того, Государственный Контроль стоял перед очень трудной задачей. Всѣ арміи имѣли при себѣ походныя казначейства, в состав коих входили также чины контроля. С развитіем военных дѣйствій к Государственному Контролю предъявлялись все новыя и новыя требованія посылки контролеров в полевые казначейства, а также в разныя временныя административныя учрежденія, возникавшія в завоеванных территориях. При этих условіях, возникали большія затрудненія по нахожденію опытных контролеров. Установленіе же правительственного контроля за дѣйствіем госпиталей и санитарных поѣздов Общеземскаго и Общегородскаго союзов оказалось бы для вѣдомства совершенно непосильной задачей.

Несмотря на такія возраженія, я все же не находил возможным отпустить средства из казны без всякой провѣрки и просил Государственного контролера предложить какой либо другой способ, который мог бы оградить казну от возможных злоупотребленій. Харитонов согласился на то, что эти расходы, как военные, должны провѣряться в Военном министерствѣ, и предложил образовать, в составѣ Военнаго министерства, особый комитет, под предсѣдательством одного из генералов, членов Совѣта Военнаго Министра. По провѣркѣ этим комитетом смѣтъ Общеземскаго и Общегородскаго союзов, таковыя должны бы представляться на утвержденіе Совѣта министров. К этой мысли Государственного контролера, Совѣтъ министров отнесся вполне сочувственно, полагая, что весьма важно привлечь общественные круги к работѣ на фронтѣ, и что посему министр финансов не должен формализоваться в данном случаѣ.

Мнѣ неудобно было настаивать на своем мнѣніи в виду атмосферы, создавшейся в Совѣтѣ Министров, тѣм болѣе, что я также склонялся к мысли, что в исключительных условіях военного времени бюрократическій аппарат должен проявить гибкость и не препятствовать живым начинаніям мертвым формализмом. Никто из министров, и я в том числѣ, тогда не отдавал себѣ отчета, что в этом своем засѣданіи правительство предоставило революціонным элементам способы и средства организовать в грандіозном масштабѣ революціонную пропаганду в рядах арміи и осуществить государственный переворот в 1917 году. Это была иронія судьбы. Правительство собственными руками снабдило своих политических противников средствами для сверженія существовавшаго строя. Впослѣдствіи я не раз вспоминалъ древнее изреченіе: «Jupiter quos vult perdere prius dementat» — Юпитер, кого хочет погубить, сперва лишает разума.

В началѣ войны, когда, казалось, существовало полное единеніе

между народом, монархом и его правительством, трудно было предположить, что через нѣсколько мѣсяцев положеніе совершенно измѣнится и руководители Общеземскаго и Общегородскаго союзов используют свои организациі, дабы совмѣстно с крайними лѣвыми элементами энергично подготовить и произвести революцію. Крайніе элементы, конечно, сознавали, что первая попытка вооруженнаго возстанія в Москвѣ послѣ японской войны, в 1905 г., потерпѣла неудачу из-за недостатка у революціонеров средств и потому, что армія оставалась вѣрна режиму. Вслѣдствіе этого, с самаго начала войны вся их энергія была направлена к тому, чтобы добыть средства и разрушить армію. Организациі Общеземскаго и Общегородскаго союзов на фронтѣ, снабженныя крупными средствами, были для революціонных элементов находкой и они с успѣхом использовали их. Генерал Данилов и генерал Брусилов в своих мемуарах оба свидѣтельствуют об этом.

Как я упомянул выше, уже в зимніе мѣсяцы единеніе, которое было установлено между Думой и правительством в началѣ войны, уступило мѣсто прежнему недоувѣрію и взаимному непониманію. Совершенно искренніе порывы у одних заподозривались другими, и создавалась опять атмосфера двух враждебных лагерей: "мы и они".

Послѣ возвращенія министра Юстиціи и моего из ставки верховнаго Главнокомандующаго я имѣлъ неоднократныя частныя бесѣды с министром Земледѣлія Кривошеиным о трагическом положеніи армій, которыя были обречены в ближайшем будущем на отступленіе, и о тѣх мѣрах, которыя правительство могло бы принять для объединенія всѣх живых сил страны, чтобы опять в полном согласіи между народом, монархом и его правительством встрѣтить новыя тяжкія испытанія.

Мысли, которыя созрѣвали в болѣе либеральной группѣ министров, нашли себѣ выраженіе послѣ частной бесѣды, которую я имѣлъ с министром Иностранных Дѣл Сазоновым. Я не был так близок с ним как с Кривошеиным, но в засѣданіях Совѣта министров наши мѣста были рядом и это давало нам случай обмѣниваться частными замѣчаніями. Однажды, он мнѣ сказал, что хотѣлъ бы побесѣдовать со мной наединѣ о серьезных вопросах, которые его чрезвычайно волнуют, и послѣ засѣданія я зашел к нему в министерство. Он был чрезвычайно озабочен и пояснил, что в виду надвигавшихся грозных событій правительство должно представить Государю ходатайство о немедленном созывѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта для принятія совмѣстно с законодательными учрежденіями экстренных мѣр по оборонѣ страны. Правительство не имѣет права оставлять эти учрежденія в невѣдѣніи о настоящем положеніи вещей. Время слишком грозное, и если правительство будет принимать всѣ экстренныя мѣры самостоятельно, только в порядкѣ декретов, утвержденных Государем, мы всю отвѣтственность в концѣ концов оставляем на личности монарха. На это правительство не имѣет никакого права. Я вполне согласился с мнѣніем Сазонова, но замѣтил ему, что послѣдняя встрѣча Думы с

правительством не была особенно счастливою и что подобная же встреча, при нынѣшних гораздо менѣе благоприятных условіях, едва ли может обѣщать нам хорошіе результаты. Сазонов возразил, что он вполне отдаст себѣ отчет в большой сложности положенія, но что во власти правительства произвести соотвѣтственные перемѣны в составѣ кабинета, которыя позволили бы нам встрѣтить Думу с серьезной надеждой на успѣх предстоящей совмѣстной работы. Мы рѣшили устроить немедленно частное совѣщаніе болѣе либеральной группы наших единомышленников в Совѣтѣ Министров и на слѣдующій день собралось у Сазонова: министр Земледѣлія Кривошеин, Государственный контролер Харитонов, министр Путей Сообщенія Рухлов, министр Народнаго Просвѣщенія гр. Игнатьев, Морской министр адмирал Григорович, министр Торговли и Промышленности князь Шаховской и я.

Послѣ краткаго обмѣна мнѣній всѣ присутствующіе присоединились к основной мысли Сазонова о необходимости немедленнаго созыва законодательныхъ учреждений. Въѣсть с тѣмъ всѣ были одного убѣжденія, что продотворная работа с Государственной Думой невозможна, если в составѣ кабинета остаются министры, к коимъ Дума относится с недовѣріемъ. Такихъ было четверо. Трое из нихъ принадлежали к крайнему правому крылу: министр Юстиціи Щегловитов, министр Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ и Обер-Прокуроръ Святѣйшаго Синода Саблеръ; четвертый — Военный министр Сухомлинов, собственно говоря, не принадлежалъ к крайней правой, но не сумѣлъ установить нормальныхъ отношеній с Государственной Думой. Онъ рѣдко показывался в законодательныхъ учрежденіяхъ, предоставляя товарищу министра, генералу Поливанову, давать объясненія по своему вѣдомству в различныхъ комиссіяхъ, а также защищать законопроекты в общихъ собраніяхъ. Депутаты не находили его достаточно серьезнымъ и не видѣли, чтобы он могъ быть на высотѣ в особенно трудное время грозной войны. Щегловитовъ былъ талантливымъ юристомъ и хорошимъ ораторомъ. В студенческіе годы онъ увлекался социалистическими доктринами, но с годами совершенно отошелъ от ѣтихъ взглядовъ и вдался в другую крайность, рѣзкаго консерватизма. Его взгляды раздѣлялись министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Маклаковымъ; и оба не скрывали своихъ убѣжденій, не только крайне консервативныхъ, но даже реакціонныхъ. Они находили, что Манифестъ 17 Октября 1905 года и учрежденіе Государственной Думы были большою ошибкой со стороны Верховной власти, и полагали Россію настолько отсталой страной, что к ней примѣнимо только Самодержавіе. Паденіе Самодержавія, по ихъ мнѣнію, должно было привести нашу родину к неминучей катастрофѣ. Саблеръ былъ менѣе яркимъ выразителемъ такихъ крайнихъ взглядовъ, но по своимъ убѣжденіямъ примыкалъ къ Щегловитову и Маклакову. Понятно, что эти министры, относившіеся отрицательно къ Государственной Думѣ, не могли встрѣчать среди депутатовъ благоприятнаго отношенія. По этимъ причинамъ мы рѣшили представить черезъ Предсѣдателя Совѣта министровъ ходатайство Государю о немедленномъ созывѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, с назначеніемъ по-

вых министров взаимѣн Сухомлинова, Щегловитова, Маклакова и Саблера. В случаѣ же несогласія Государя с нашим мнѣніем, мы рѣшили ходатайствовать перед Его Величеством о принятіи наших прошеній об отставкѣ.

Мы обсудили также вопрос о желательных кандидатах. Мы полагали, что необходимо освѣжить состав кабинета привлеченіем элементов, не принадлежавших к служилой бюрократіи. Кривошеин выдвинул кандидатуру Самарина на должность Обер-прокурора Св. Синода, князя Щербатова на должность министра Внутренних Дѣл и члена Государственного Совѣта генерала Поливанова на должность Военнаго министра. Последняя кандидатура не встрѣтила никаких возраженій. Поливанов долгіе годы занимал должность помощника Военнаго министра, в молодости участвовал в войнѣ против Турціи в 1876-1877 г.г., гдѣ был контужен. Он окончил академію генеральнаго штаба, занимал различныя отвѣтственныя должности по военному вѣдомству, был очень большим работником и знал превосходно всѣ детали своего вѣдомства. В Государственной Думѣ он пользовался большой популярностью и мы не сомнѣвались, что его назначеніе будет привѣтствовано Думой. Поливанов зачастую замѣнял Сухомлинова в засѣданіях Совѣта Министров, и мы хорошо его знали. Самарин был нам хорошо извѣстен по своей репутаци; он был Предводителем дворянства Московской губерніи, жил в Москвѣ и был большим знатоком церковных вопросов. Хотя он принадлежал к консерваторам по своим убѣжденіям, но пользовался большим уваженіем и среди либеральных кругов. Общественное мнѣніе неоднократно называло его желательным кандидатом на пост Обер-прокурора Св. Синода. Эта кандидатура также встрѣтила полное одобреніе со стороны присутствовавших министров. Кандидатура кн. Щербатова была болѣе сомнительной. Его мало кто из присутствовавших знал, и хотя мы его встрѣчали в засѣданіях Государственного Совѣта, гдѣ он был выборным членом от Дворянства одной из провинціальных губерній, мы совершенно не были знакомы с его предшествовавшей дѣятельностью. Хотя Кривошеин рекомендовал его довольно сдержанно и предлагал нам назвать других болѣе подходящих кандидатов, он вмѣстѣ с тѣм подчеркивал преимущество кандидатуры кн. Щербатова как выборнаго члена Государственного Совѣта, не принадлежащаго к бюрократіи: несомнѣнно, что Самарин и Щербатов, как свѣжіе элементы, найдут хороший пріем в Государственной Думѣ и Государственном Совѣтѣ, а кн. Щербатов, как член верхней палаты, будет пользоваться там особым вниманіем.

В виду серьезнаго значенія, которое мы придавали должности министра внутренних дѣл, мы долго остановились на разборѣ цѣлой серіи кандидатов на этот пост. Однако, каждое называемое лицо вызывало критику кого либо из присутствовавших, вслѣдствіе чего, а также в виду огромнаго авторитета, коим среди нас пользовался Кривошеин, мы согласились на кн. Щербатова. Выбор министра юстиціи Кривошеин предложил предоставить всецѣло Предсѣдателю Совѣта министров. Этот

портфель имѣлъ меньше значенія чѣмъ другіе в военное время, и Кривошеин полагал болѣе политичнымъ, дабы расположить Горемыкина в пользу нашего плана, дать ему в этомъ случаѣ «carte blanche» и возможность назначить на эту должность близкаго ему человѣка. Мы далеко не были увѣрены, что Горемыкин отнесется сочувственно к нашему выступленію, такъ какъ онъ принадлежалъ к старому типу Государевыхъ слугъ, привыкшихъ к тому, что Монархъ самъ выбираетъ своихъ министровъ, по собственному усмотрѣнію, а не становится исполнителемъ воли своихъ сотрудниковъ.

Нелегкую задачу бесѣды с Горемыкинымъ присутствовавшіе министры просили меня привести в исполненіе. Они указывали, что я получилъ назначеніе министромъ финансовъ одновременно с назначеніемъ Горемыкина премьеромъ, что онъ относится ко мнѣ с особенной симпатіей и довѣріемъ и посему моя бесѣда с нимъ можетъ имѣть болѣе дружескій, интимный характеръ.

Я не могъ вполнѣ с этимъ согласиться, ибо зналъ, что наиболѣе близкимъ человѣкомъ к Горемыкину былъ Кривошеинъ, однако, я понялъ, что Кривошеинъ в данномъ случаѣ хотѣлъ остаться в сторонѣ, чтобы подчеркнуть, что это выступленіе не возникло по его инициативѣ и что нашъ планъ былъ вполнѣ солидарнымъ актомъ всей болѣе либеральной группы Совѣта Министровъ. Уступая настояніямъ коллегъ я немедленно отправился к Горемыкину, предупредивъ его по телефону о моемъ посѣщеніи. Горемыкинъ, какъ всегда, принялъ меня чрезвычайно дружески и внимательно выслушалъ мой докладъ. Онъ дѣйствительно относился ко мнѣ с большой симпатіей, с отбѣнкомъ отеческой покровительности, и былъ со мною вполнѣ откровененъ. По старой привычкѣ царедворца онъ в серьезные минуты переходилъ на французскій языкъ и в данномъ случаѣ тоже обратился ко мнѣ на этомъ языкѣ.

— Мой другъ, вы прекрасно отдаете себѣ отчетъ, что возлагаете на меня чрезвычайно деликатную миссію к Его Величеству. Государь самъ выбираетъ своихъ министровъ и я очень опасаюсь, что онъ приметъ меня с неудовольствіемъ, если я представлю ему вашъ планъ.

Однако, по существу нашего ходатайства, Горемыкинъ вполнѣ присоединился к нашему мнѣнію о необходимости созыва законодательныхъ учреждений и о перемѣнѣ в составѣ кабинета. Онъ пошелъ даже дальше, добавивъ:

— В сущности, нужно было бы, чтобы болѣе молодой человѣкъ замѣнилъ меня, я слишкомъ старъ для васъ всѣхъ.

Его смущала лишь необычайность нашего выступленія и необходимость представить какъ бы ультиматумъ отъ извѣстной группы министровъ, которые в концѣ концовъ выражали свое категорическое мнѣніе Монарху: “Или соглашайся с нами, или мы всѣ уходимъ”.

Горемыкинъ тотчасъ же послалъ Государю записку с ходатайствомъ о назначеніи ему аудіенціи в срочномъ порядкѣ. На слѣдующій же день онъ былъ принятъ Государемъ и по возвращеніи изъ Царскаго Села вызвалъ меня для сообщенія результата своего доклада. Онъ мнѣ сказалъ, что

Государь был возмущен нашим ходатайством о замѣнѣ четырех министров другими лицами. Государь находил, что это совершенно невольный поступок со стороны одной группы членов Совѣта по отношенію к четырем коллегам; все наше выступленіе носило характер возмущенія и чрезвычайно ему не понравилось. Однако, по существу, Государь не возражал против немедленного созыва законодательных учреждений. Он также отдавал себѣ отчет в том, что указанные нами министры были непопулярны в Думѣ и что при сохраненіи их в Кабинетѣ мало было надежды на успѣшную работу правительства с Думой. Вслѣдствіе сего он готов был склониться к мысли о замѣнѣ их другими лицами. Однако, это не мѣшало ему быть недовольным нами, и Горемыкин мнѣ добавил, что каждый из нас должен быть готов, при слѣдующем своем докладѣ у Государя, нести послѣдствія за наше общее выступленіе. Я поблагодарил Горемыкина за быстрое исполненіе нашего ходатайства и подтвердил ему, что мы все готовы нести отвѣтственность за наше выступленіе и подать прошенія об отставкѣ, если бы Государь остался нами недоволен.

Когда я передал своим коллегам отвѣт, полученный от Горемыкина, наша группа испытала чувство большого удовлетворенія: главная наша цѣль была достигнута. Государь поручил Горемыкину заготовить указ о созывѣ законодательных учреждений. Перемены в Кабинетѣ, повидимому, также были обезпечены, перспектива же, что нѣкоторые из членов нашей группы могут быть уволены в отставку, нас не смущала.

Мой очередной доклад у Государя состоялся в Царском Селѣ через нѣсколько дней, как обычно, в пятницу, в 11 часов утра. Государь был необычайно пунктуален. Рѣдко мнѣ приходилось ожидать в приемной нѣсколько минут. На этот раз я приготовился к ожиданію, полагая, что Государь захочет немедленно дать почувствовать свое неудовольствіе. Однако, я ошибся, я был принят, когда часы были одиннадцать, Государь со мной поздоровался ласково как всегда и предложил мнѣ приступить к докладу о текущих дѣлах, который он выслушал с обычным вниманіем, одоблив все мои предположенія.

Только по окончаніи доклада Государь коснулся разговора своего с Горемыкиным, пояснив, что он был чрезвычайно непріятно поражен нашим выступленіем. Он мнѣ сказал, что не может понять, как мы рѣшились ходатайствовать об увольненіи из нашей среды четырех министров, вѣрных слуг своего Монарха. Этот поступок неволен по отношенію к коллегам и он не может не выразить каждому из нас своего неудовольствія. Государь добавил, что он воспитан в военной дисциплинѣ, привык к военной атмосферѣ и считает совершенно немыслимым подобный инцидент в полку, гдѣ часть офицеров обратилась бы к командиру полка с ходатайством об увольненіи нѣкоторых из своих сотоварищей, ни в чем не провинившихся. Государь считал, что во всякой корпораціи должна существовать солидарность, дисциплина, и что всякое дѣло развалится, если эти необходимыя условія нарушены,

Я был чрезвычайно озадачен таким обращеніем Государя. Я никак не ожидал, что Государь проведет аналогію между Совѣтом Министров и полком и приравнивает необходимую солидарность среди членов Кабинета к корпоративному духу в военной средѣ. В своем отвѣтѣ я пояснил, что мы вполне отдавали себѣ отчет в необычайности нашего выступления и рѣшившись на этот шаг готовы были нести за него отвѣтственность; что лично мы всѣ ничего не имѣем против четырех своих коллег, но почитаем своим долгом, из чувства лояльности и преданности своему монарху, в виду серьезности положенія, ходатайствовать о созывѣ законодательныхъ учрежденій; вмѣстѣ с тѣм мы не считали себя вправе скрыть от Государя, что совмѣстная работа Думы с нѣкоторыми из наших коллег невозможна и потому естественно назрѣвалъ вопрос о перемѣнахъ в Кабинетѣ; мы всѣ и я в том числѣ сознавали, что можем навлечь на себя неудовольствіе Государя, и посему я всеподданнѣйше ходатайствую об освобожденіи меня от должности министра финансов.

Государь, посмотрѣвъ на меня своими ласковыми глазами, сказал: — Я выразил вам свое неудовольствіе вашим поступком по отношенію к четырем коллегам, но это не значит, что я неудовлетворен вашей работой; я вполне вам довѣряю и прошу вас остаться на посту министра финансов.

Я был чрезвычайно взволнован и не мог скрыть этого. Когда Государь прощался со мной, он особенно крѣпко пожал мою руку, я задержал его руку в своей и поцѣловал ее. Видимо, Государь был сам растроган, он обнялъ меня крѣпко и расцѣловал.

Это был единственный раз за три года моей совмѣстной работы с Государем, что я выслушал порицаніе с его стороны, и в данном случаѣ его критика касалась не моего вѣдомства, а моего выступления как одного из членов Кабинета. Всѣ же доклады по министерству финансов находили одобреніе Государя и я ни по одному дѣлу не получал отказа. Между нами существовало полное единомысліе и мнѣ не приходилось бороться за проведеніе своихъ взглядов. Правда, что мое вѣдомство было скорѣе техническим и рѣдко мѣропріятія министерства финансов были связаны с чисто политическими вопросами. Однако, там, гдѣ мнѣ приходилось затрагивать таковыя, я встрѣчал у Государя полное пониманіе, как напримѣр в еврейскомъ вопросѣ, и он не препятствовал мнѣ проводить либеральныя взгляды.

Помню лишь один забавный инцидент по поводу ходатайства издателя оппозиціонной газеты “Рѣчь” Гессена, когда мнѣ пришлось потратить нѣсколько времени, чтобы убѣдить Государя согласиться с моим докладом. Извѣстно, что никто не любит платить налогов и руководители оппозиціонныхъ газет не составляют в этом отношеніи исключенія. Податное присутствіе обложило опредѣленнымъ процентнымъ налогом газету “Рѣчь”. Издатель Гессен нашел ставку чрезмѣрной и представилъ департаменту окладныхъ сборовъ ходатайство о пересмотрѣ и пониженіи налога. Департаментъ разсмотрѣлъ дѣло и не нашел оснований

измѣнить постановленіе податного присутствія. Гессен на этом не успокоился и подал мнѣ жалобу на дѣйствія моихъ подчиненныхъ органовъ. Директор департамента представилъ мнѣ свои объясненія, указавъ, что министру не предоставлено права мѣнять постановленія податныхъ присутствій, основанныя на точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ. Однако, пояснилъ онъ, если я, по политическимъ соображеніямъ, пожелаю бы выказать вниманіе руководителямъ оппозиціоннаго органа, я могъ бы испросить разрѣшенія Государя сложить нѣкоторую часть налога, въ порядкѣ Высочайшей милости. Въ основныхъ законахъ была сохранена ст. 21, въ силу коей Государь могъ разрѣшить сложеніе налоговъ, если этимъ не нарушались интересы третьихъ лицъ. Статья эта въ довоенное время примѣнялась чрезвычайно рѣдко и только съ развитіемъ военныхъ дѣйствій были нѣкоторые, и то единичные, случаи сложенія таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ, ввозимыхъ изъ заграницы благотворительными учрежденіями для нуждъ военныхъ госпиталей.

Въ виду незначительности суммы и желая показать, что у меня нѣтъ никакой предвзятости по отношенію къ оппозиціонной газетѣ, выражавшей мнѣнія партіи к.д., я взялъ на себя доложить это дѣло Государю. Я никакъ не ожидалъ, что встрѣчу отрицательное отношеніе съ его стороны. Онъ не скрылъ своего удивленія по поводу того, что представитель оппозиціи, которая обычно обвиняетъ правительство въ неправомѣрныхъ дѣйствіяхъ, самъ не желаетъ подчиняться закону и ожидаетъ особыхъ привилегій для себя. Я высказалъ Государю, что это общечеловѣческая черта, что дѣло само по себѣ очень незначительное, что я не рѣшился бы ходатайствовать о какихъ либо серьезныхъ льготахъ, но смотрю на это какъ на небольшой подарокъ оппозиціонному органу, дабы показать, что правительство готово и по отношенію къ оппозиціи выказать извѣстное вниманіе. Государь все же не поддавался моимъ доводамъ, сказалъ мнѣ, что онъ никогда не читаетъ газеты "Рѣчь" и спросилъ, каковъ ея тонъ за послѣднее время, достаточно ли онъ корректенъ. Я отвѣтилъ, что оппозиція обязана, конечно, критиковать правительство, но критика, обыкновенно, держится въ разумныхъ рамкахъ. Пришлось выслушать еще нѣсколько замѣчаній со стороны Государя и лишь послѣ нѣкотораго колебанія онъ одобрилъ мой докладъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ Горемыкинъ представилъ Государю ходатайство о созывѣ законодательныхъ учрежденій и о перемѣнахъ въ составѣ Совѣта Министровъ, я получилъ извѣщеніе отъ Горемыкина, что Государь выѣхалъ въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго и указалъ ему прибыть туда же съ нѣсколькими министрами. Я не зналъ, кто изъ насъ получилъ это приглашеніе, и лишь въ поѣздѣ встрѣтилъ коллегъ, также вызванныхъ въ Ставку. Я нашелъ, кромѣ предсѣдателя, министра Земледѣлія Кривошеина, Иностраннаго Дѣла Сазонова, Путей Сообщенія Рухлова, Торговли князя Шаховскаго и Государственнаго контролера Харитонова. Кривошеинъ мнѣ рассказалъ, что за истекшія двѣ недѣли Государь совершенно примирился съ нашимъ выступленіемъ. Хотя онъ каждому выразилъ на очередномъ докладѣ свое неудовольствіе, какъ

он это сдѣлал со мной, но по существу согласился с нами, рѣшил сохранить нас и замѣнить указанных нами министров. Он даже одобрил намѣченных нами кандидатов, Поливанова, Самарина и кн. Щербатова. Что же касается портфеля министра Юстиціи, то таковой, по ходатайству Горемыкина, будет предоставлен члену Государственного Совѣта Хвостову. Послѣдній принадлежал к правой фракціи Государственного Совѣта и был директором Канцеляріи Министерства Внутренних Дѣл, когда Горемыкин был министром. Он пользовался отличной репутаціей честнаго, безпристрастнаго государственнаго дѣятеля, был близким человѣком Горемыкина, и, повидимому, его выбор на пост Министра Юстиціи был очень удачен. Кривошеин прибавил, что мы в Ставкѣ встрѣтим генерала Поливанова и кн. Щербатова, которые оба находились в служебных командировках и получили вызов в Ставку.

По прїѣздѣ в Барановичи мы дѣйствительно нашли там обоих и кромѣ них еще министра Императорскаго Двора гр. Фредерикса и Московскаго Генерал-губернатора князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстон. Этот сѣзд в Ставкѣ был очень знаменателен. Под предѣлательством Государя происходили совѣщанія, на коих были обсуждены нѣкоторые текущіе вопросы. Сазоновым был сдѣлан доклад о переговорах с Болгаріей и Румыніей, Рухлов представил данныя о перевозках, Кривошеин о продовольствіи, кн. Шаховской о развитіи дѣятельности заводов, исполнявших заказы по снаряженію арміи, и я о финансовых мѣропріятіях. Был намѣчен срок созыва законодательныхъ учреждений, и Государь подчеркнул, что в виду сложности всей обстановки особенно важно, чтобы Совѣтъ Министров работал в полной согласованности с требованіями фронта и в единеніи с созываемыми законодательными учрежденіями. Своим отношеніем Государь явно подтвердил свое довѣріе к правительству, в том преобразованном составѣ, который был нами намѣчен, и к Великому Князю Николаю Николаевичу как верховному Главнокомандующему.

В нашем же присутствіи князь Юсупов сдѣлал доклад о событіях, происшедших в Москвѣ. Когда весной 1915 года возникъ вопрос о замѣщеніи должности Московскаго генерал-губернатора, министр внутренних дѣл просил Совѣтъ Министров дать ему нѣкоторыя директивы для представленія Государю надлежащаго кандидата на эту должность. Министры всегда считались с особенностями Москвы как второй и, собственно говоря, національной столицы и проявляли большую осторожность при выборѣ для нея администраторов по своимъ вѣдомствам. В Москвѣ большая независимость проявлялась крупнымъ купечеством, союзами земствъ и городовъ и профессурой. Петербургъ был городомъ съ международнымъ характером. Хотя он былъ резиденціей Государя и центромъ бюрократіи, однако, сердце Россіи было в Москвѣ, и русское общественное мнѣніе складывалось в этой столицѣ. Вот почему и Государь счелъ себя обязаннымъ, немедленно послѣ объявленія войны, отправиться со своей семьей в Москву и принимать мѣстныхъ представителей в Кремлѣ.

Во время войны Москва особенно саботировала правительство, и когда Маклаков поднял в Совете Министров вопрос о замещении генерал-губернатора, министры очень внимательно отнеслись к этому делу и высказали желание, чтобы этот пост был занят лицом вполне независимым, близким к Государю, прибытие коего в Москву обозначало бы особое внимание к первопрестольной столице. После продолжительного обмена мнений имя князя Юсупова нашло всеобщее одобрение. Он с отличием проходил военную службу, командовал одно время Кавалергардским полком и состоял в свите Его Величества. Его сын, впоследствии ставший известным по убийству Распутина, был женат на княжне Ирине, дочери Великой Княгини Ксении Александровны, старшей из сестер Государя. По общему мнению, этот выбор был вполне подходящим для должности генерал-губернатора в Москве.

Министерство финансов имело тоже свою традиционную политику в смысле оказания Москве особого внимания. До учреждения Государственной Думы, когда законопроекты правительства вносились в Государственный Совет, как законосовещательный орган, предварительная разработка более важных из них в Министерстве финансов происходила в комиссиях, в состав коих приглашались местные люди, представители коммерческих и финансовых интересов. При этом главное внимание уделялось Москве. Помню один характерный случай в приемной министра финансов Витте, когда я был молодым чиновником. В качестве секретаря управляющего Государственным Банком Плеске, я ожидал вместе с ним в приемной министра, который вызвал Плеске по срочному делу. Кроме нас в большой приемной находился только один посетитель, незамысловатого вида старичок, сидевший скромно в углу. Обычно Витте вызывал посетителей в свой кабинет, и я был очень удивлен, когда увидел его выходящим из кабинета и грузными шагами направляющимся через всю приемную к скромному старичку. Он очень любезно и сердечно его приветствовал и пригласил к себе, при чем никакого внимания не обратил на нас. На мой вопрос, кто этот важный посетитель, Плеске мне пояснил, что это купец Найденов, председатель Московского Биржевого Комитета, и что в его лице министр финансов приветствует Москву, первопрестольную столицу России. Позже я неоднократно слышал выступления Найденова в разных комиссиях министерства финансов. Мне особенно врезались в память его слова, сказанные по поводу речи одного профессора, говорившего о желательности применения у нас некоторых западно-европейских принципов. Он заявил, что ему семьдесят лет, что он никогда за границей не бывал, но, зная русскую жизнь, считает, что она может развиваться и идти вперед по своему естественному руслу.

Одобрив вполне назначение князя Юсупова на пост Генерал-губернатора Москвы, мы ошибались, предполагая, что административная машина там достаточно налажена и роль князя Юсупова сведется главным образом к представительству и к установлению добрых отношений с влиятельными московскими кругами. В условиях военного вре-

мени возникли неожиданности, и чтобы справиться с ними нужно было обладать бѣльшим административным опытом, чѣм имѣл кн. Юсупов. Он совершенно растерялся, когда ему пришлось столкнуться с такими неожиданностями.

С самаго начала военных дѣйствій против Германіи особенно обострились національныя чувства в странѣ. Это было замѣтно во всѣх слоях населенія и принимало иногда уродливыя формы; так, в первые дни по объявленіи войны дом германскаго посольства в Петербургѣ был разгромлен хулиганами. Впослѣдствіи многіе русскіе, фамиліи коих имѣли иностранный оттѣнок, стали считать себя обязанными мѣнять их на другія, чисто русскія. Наш коллега, Обер-прокурор Св. Синода, Саблер, вполне русскій человѣкъ, счел нужным переименоваться в Десятовскаго (вторая часть фамиліи его супруги, рожденной Заболоцкой-Десятовской). Даже столица С.-Петербург, названіе коей Петр Великій заимствовал не из Германіи, а из Голландіи, была переименована в Петроград.

Эти тенденціи в нѣкоторых случаях вызывали серьезныя осложненія. В Россіи в различных губерніях, на Волгѣ и на югѣ, существовали цвѣтущія деревни нѣмецких колонистов. Они переселились из Германіи в царствованіе Императрицы Екатерины Великой, которая путем дарованія нѣкоторых привилегій хотѣла привлечь в страну опытных сельских хозяев, рассчитывая, что своим примѣром эти колонисты будут способствовать поднятію общаго уровня хозяйства в районах их поселенія. Цѣль, которую преслѣдовала Императрица, была со временем достигнута. Деревни колонистов были прекрасно оборудованы, их жители, хотя и сохранили многія германскія особенности, давно сдѣлались вѣрнопопадными русскаго Императора и утратили всякую связь со своей прежней родиной. Все же их происхожденіе давало повод ультра-патріотичным элементам начать против них агитацію и требовать от мѣстных властей принятія разных репрессивных мѣр по отношенію к ним. Особенное возбужденіе против них вызывал тот фактъ, что среди колонистов существовала секта меннонитов, которая по своей вѣрѣ была против всякаго убійства, даже и на войнѣ. Меннониты пользовались особой льготой по отбыванію всеобщей воинской повинности. Они не были освобождены от нея, но отбывали ее не в войсках, а в особых отрядах, производивших различныя работы в казенных мѣстах. Мѣстная администрація, высоко цѣнившаяся трудящееся, спокойное и лояльное населеніе нѣмецких колоній, была очень озабочена агитаціей против них и поощряла поѣздки в Петербург депутатія мѣстных людей для противодѣйствія принятію репрессивных мѣр. Такія депутатіи являлись и ко мнѣ, объясняя всю сложность мѣстной обстановки. Помню в особенности одну, пріѣхавшую из Крыма, в состав коей входили мѣстный городской голова, предсѣдатель земской управы, а также губернскій предводитель Дворянства, состоявшій вмѣстѣ с тѣм выборным членом Государственнаго Совѣта.

В Москвѣ агитація против всего, что так или иначе напоминало

германцев, приняла неожиданныя формы. Толпы народа, с большим участием хулиганов, ходили по улицам, неся національные флаги и пѣли "Боже Царя Храни". Полиція ограждала эти манифестаціи, не находя в них ничего предосудительнаго. Однако, настроеніе манифестантов становилось все болѣе повышенным, вниманіе хулиганов было обращено на ряд магазинов, владѣльцы коих носили иностранныя фамиліи, и начался разгром этих коммерческих заведеній. Полиція растерялась и не приняла немедленных мѣръ для подавленія безпорядков. Было дано знать Генерал-губернатору, который прибыл лично на мѣсто происшествій. Толпа встрѣтила его пѣніем національнаго гимна, и князь Юсупов сам встал в тупик — может ли он разогнать или арестовать людей, поющих "Боже Царя Храни". Психологическій момент был упущен, и создалось совершенно нелѣпое положеніе — Генерал-губернатор с обнаженной головой неподвижно слушал пѣніе національнаго гимна, а одновременно хулиганы продолжали громить разныя коммерческія заведенія. Наконец, полиція опомнилась и послѣ доклада князю Юсупову были приняты мѣры по аресту хулиганов и прекращенію безпорядков. Однако, значительный матеріальный ущерб был уже нанесен совершенно неповинным лицам. Многочисленныя телеграммы и жалобы посылались по адресу министра Внутренних Дѣл, который довел о всѣх инцидентах до свѣдѣнія Совѣта Министров и доложил Государю. В виду своего отъѣзда в Ставку Государь повелѣлъ министру Внутренних Дѣл вызвать кн. Юсупова для объясненій в Барановичи. Свой доклад кн. Юсупов сдѣлал в совѣщаніи под предѣлательством Государя, в присутствіи Вел. Кн. Николая Николаевича и министров прибывших в Ставку. По его объясненіям, свѣдѣнія о событіях в Москвѣ, полученныя в Петербургѣ, были очень преувеличены: все сводилось к безчинствам кучки хулиганов и матеріальный ущерб в концѣ концов был незначителен. Лично думаю, что кн. Юсупов был прав. Однако, тот факт, что среди пострадавших оказались и фирмы принадлежавшія союзным націям, дал повод к дальнѣйшей дипломатической перепискѣ. Эти московскія событія вызвали даже выступленія во французской прессѣ против ксенофобіи, развивающейся в Россіи вслѣдствіе того, что русскій народ недостаточно освѣдомлен о жертвах, которыя Франція приносит в общих интересах союзников.

Докладом кн. Юсупова закончились наши дѣловыя засѣданія. Государь послѣ этого очень милостиво бесѣдовал с каждым из присутствовавших в отдѣльности и согласился сняться в группѣ.

Мы вернулись в Петербург удовлетворенные тѣм, что наша политическая линія была одобрена и создавалась болѣе благоприятная атмосфера для предстоявшей совмѣстной работы с Государственной Думой. Вскорѣ состоялось назначеніе новых министров.

Повидимому, Государю было особенно тяжело разставаться с Сухомлиновым, с коим он работал в ближайшем сотрудничествѣ в теченіе семи лѣтъ. Сухомлинов молодым офицером участвовал в Турецкой войнѣ 1876-1877 г.г. и занимал различныя отвѣтственные должности. Нѣ-

сколько лѣтъ он служил генерал-губернатором в Кіевѣ и оттуда в 1908 году был переведен в СПб на должность начальника генеральнаго штаба, а через год был назначен Военным министром. На нем лежала отвѣтственная задача произвести серьезныя преобразованія в арміи и

В СТАВКѢ (БАРАНОВИЧИ), ІЮЛЬ 1915 ГОД

Стоят (слѣва направо): кн. Шербагов, Харитонов, Сазонов, Кривошеин, Барк, ген. Янушкевич, ген. Поливанов, кн. Шаховской.

Сидят: Рухлов, В. Кн. Николай Николаевич, Государь, Горемыкин, гр. Фредерикс.

поднять ея дух послѣ несчастной войны с Японіей. По ближайшим указаніям Государя его усилія были направлены к достиженію слѣдующих цѣлей:

- 1) сокращеніе длительности нашей мобилизаціи для устраненія преимуществ германской мобилизаціи, сроки которой были меньше на три недѣли;
- 2) улучшеніе техническаго и научнаго оборудованія арміи;
- 3) поднятіе ея духа послѣ Японской войны;
- 4) организація снабженія и подкрѣпленія арміи.

Такой знаток военнаго дѣла как Черчилль, сам бывшій военным министром, так характеризует достигнутые русской арміей результаты:

“Нѣтъ никакого сомнѣнія в том, что русская армія в 1914 г. была несравнимо превосходитѣ той, которая сражалась в Манджурской кам-

панія. Вся военная система была преобразована; обширное перевооружение и программа снаряжения, соответственно соглашению с Франціей 1911 г., были выполнены. Значительные французскіе займы дали возможность приобрести многочисленныя военные запасы и пятилѣтній план для постройки стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ къ западному фронту и вдоль его былъ выполненъ в значительной степени. Мобилизація всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи и ихъ сосредоточеніе в зонѣ военныхъ дѣйствій были осуществлены безъ всякихъ задержекъ. Грандіозная задача была выполнена с точностью" («The World Crisis», стр. 97).

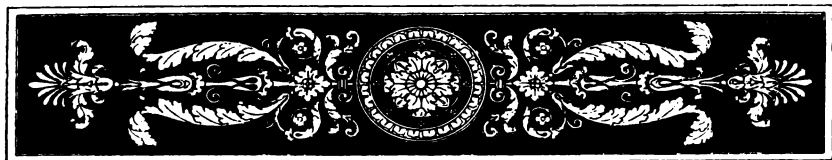
Понятно, что Государю, какъ верховному вождю военныхъ силъ, не легко было проститься съ Сухомлиновымъ, къ которому онъ питалъ довѣріе и личную симпатію, тѣмъ болѣе, что онъ не любилъ Поливанова и не считалъ его искреннимъ и прямымъ человѣкомъ. По свойственной Государю чертѣ характера онъ не могъ заставить себя сказать о своемъ рѣшеніи Сухомлинову, когда тотъ былъ у него въ послѣдній разъ съ докладомъ въ качествѣ Военнаго министра, а послалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

“Ставка, 11 іюня 1915 г.

Владимір Александровичъ, послѣ долгаго раздумыванія я пришелъ къ заключенію, что интересы Россіи и арміи требуютъ Вашего ухода въ настоящую минуту. Имѣвъ сейчасъ разговоръ съ Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ, я окончательно убѣдился въ этомъ. Пишу вамъ самъ, чтобы вы отъ Меня перваго узнали. Тяжело мнѣ высказывать это рѣшеніе, когда еще вчера видѣлъ васъ. Столько лѣтъ поработали мы вмѣстѣ и никогда недоразумѣній у насъ не было. Благодарю васъ сердечно за всю вашу работу и за тѣ силы, которыя вы положили на пользу и устройство родной арміи. Безпристрастная исторія вынесетъ свой приговоръ, болѣе снисходительный, нежели осужденіе современниковъ. Сдайте пока вашу должность Вернандеру. Господь съ вами. Уважающій васъ Николай.”

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Л. Барк.

РУССКІЕ ОТРЯДЫ В ПЕРСІИ

К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ
ПОСТУПАТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНІИ РОССІИ НА ЮГ,
К ОТКРЫТОМУ МОРЮ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Приступая к описанію, событій, протекавших в сѣверной Персіи перед первой Мировой войной, и имѣя намѣреніе указать на значеніе их в политическом, военном и экономическом отношеніях, — я озаглавил свою работу: “Русскіе отряды в Персіи”, но прибавил: “К вопросу о естественном историческом поступательном движеніи Россіи на юг, к открытому теплomu морю”.

Прибавил я это потому, что описываемая мною дѣятельность Россіи была не случайным историческим эпизодом, а продолженіем вѣкового движенія русскаго народа в этом направленіи, медленнаго, но непрерывнаго.

На историческом пути русскаго народа, одна основная идея всегда была, дѣйствительно, руководящей: идея естественнаго историческаго поступательнаго движенія на юг, к открытому теплomu морю, — движенія инстинктивнаго, но всегда и осознаваемого самим народом. В зависимости от мѣняющейся обстановки, видоизмѣнялись лишь методы примѣненія этой идеи и ближайшія задачи.

Первоначально эта идея выливалась в стремленіи подойти к Каспійскому морю, чтобы облегчить путь на юг; затѣм очередной задачей стало стремленіе овладѣть этим долгим по меридіану водным путем; по овладѣнн им и утвержденн на обоих его берегах, ареной дѣятельности русскаго народа стал Сѣверный Азербейджан.

Мое желаніе зафиксировать происходившія тогда событія в предѣлах сѣверной Персіи подкрѣплялось еще тѣм обстоятельством, что эти событія протекали без шума и незамѣтно для посторонних, а потому мало кто из современников был знаком с ними.

Во время Императорской Россіи наше внимательство во внутреннія дѣла Персіи вызывалось исключительно экономическими причинами и необходимостью защиты интересов и даже жизни наших подданных, как приграничной с Персіей полосы, так и проживавших в самой Персіи, в виду слабости центральной власти этой послѣдней.

Внимательство Совѣтскаго Союза в дѣла Персіи преслѣдует инныя, не экономическія, столь понятныя и объяснимыя цѣли, а исключи-